

Виктор Слипенчук

Поэт, прозаик и публицист, автор множества поэтических сборников, рассказов, повестей и очерков. Среди его произведений – поэтические книги: «Свет времени», «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг». Романы – «Огонь молчания», «Зинзивер». Пьесы для театра в десяти эпизодах «Губернатор». Многие книги переведены и изданы во Вьетнаме, Китае, Монголии, Сербии, Франции и Японии.

Родился в 1941 году в Приморском крае, в селе Черниговка. Получил два высших образования, двадцать три года прожил на Алтае и первое своё стихотворение опубликовал в 14 лет. Работал геологоразведчиком, зоотехником, матросом, рыбоводом, строителем и журналистом. В 1982 году Виктор Слипенчук был принят в Союз писателей СССР. После окончания Высших литературных курсов направлен на усиление Новгородской писательской организации, руководил областным литературным объединением, был редактором радиожурнала «Литературный Новгород» и газеты «Вече». С 1996 года живёт в Москве. В 2009 году избран академиком Академии русской словесности. В 2016 году Московская писательская организация вручила В.Т. Слипенчуку знак «Почётный писатель МПО РФ».

Перегруз

У нас на борту было семьсот пятьдесят тонн мороженой рыбы, и мы со дня на день ждали сухогруз «Остров Лисянского». Николай Руско спросил у меня:

– Валер, ты перегруз делал?

– Нет, не делал, – сказал я и прикурил.

– Замучаешься, – Руско сильным выдохом выпустил дым. –

Понимаешь, могу пахать две смены подряд, а перегруза боюсь.

Мы помолчали, и тут я увидел Витьку Тихонова. Тихонов стоит на выкатке тележек из морозилки и получает пай как матрос первого класса, потому что стоять на выкатке – это не то что стоять на фасовке. Руки у Витьки всегда красные, как варёные. Витька подаёт на выбивку противни с мороженой рыбой.

Вынырнув среди тележек, он наклонился ко мне.

– Ты перегруз делал?

«Что они, сговорились?» – подумал я и, глянув на Кольку, ответил:

– Нет, не делал.

– Не делал!

Витькино лицо просияло. Оно сделалось почти радостным. Улыбаясь, он озирался, как бы приглашая всех разделить его восторг. Лично я не откликнулся на приглашение, и правильно сделал. В следующую секунду его улыбка исчезла, лицо исказилось от злости.

– Какого чёрта не взвешиваешь противни? Ящик на полста тянет. Ты что, совсем оборзел?

– Нет, я не оборзел, – сказал я Витьке.

И тогда он выпалил в лицо всё, что думает обо мне. И я узнал, как некоторые плохо думают здесь о новичках, но смолчал.

Юркнув среди тележек, Витька вернулся со старшим матросом и трюмным Санькой Головкиным. При них Витька опять повторил слово в слово всё, что думает обо мне, и они сошлись на том, что я совсем оборзел.

– На перегрузе пиши его со мной, – бросил Санька Головкин старшему матросу, и они ушли, оставив меня со своими тяжёлыми мыслями.

– Пусть идут они... – посочувствовал Колька, и, хотя я согласился с ним, после смены долго не мог уснуть.

«Перегруз... Подумаешь, перегруз. Да я в геологии работал. Меня мошка заедала и робу с меня, может, с кожей снимали. Там тоже Санька Каримов кричал: “Убёгнешь”. Но я не убежал. Перегруз. Видал я ихний перегруз». Настроение восстановилось, и, засыпая, я услышал, как боцман заорал майнать кранцы. «Значит, всё-таки перегруз... Швартуемся», – уже во сне отметил я и проснулся от толчка в плечо.

– Перегруз.

Санька Головкин. Широкоплечий, бородатый, в литых резиновых сапогах, в рыбацком свитере, заправленном в чёрные сатиновые брюки, подпоясанный широким кожаным ремнём, он играет ящиками, как ребёнок кубиками. Кажется, стоит Саньке только прикоснуться к ящику, и тот сам взлетит и точно упадёт на строп.

– Эй, на барже! – кричит Санька в лючину трюма. – Майна!

Огромный железный крюк висает в проёме, и Санька беззлобно ругается. На лебёдке ругань понимают правильно. Через секунду Санька накидывает на крюк два стальных троса.

– Набил! – кричу я.

Строп вздрагивает и застывает в нескольких сантиметрах над деревянными решётками. Санька спрыгивает и, уже не высываясь в проём, заканчивает:

– Вира... Погнали!..

Вместе мы подходим к парням, свалившимся тут же на ящики, и я, стараясь дышать как можно ровнее, сажусь возле Мишки Краснопёрова. Усы у Мишки покрыты инеем, и он похож на маленького моржа.

– Миша, ты как морж.

Мишка не слышит моего сравнения. Моего сравнения не слышит никто, кроме Саньки Головкина, потому что шум кипящей крови заглушает всё. Трюм вздрагивает от ударов сердца, и пар человеческих тел осыпается со спец-овок солью.

– Иди тару перекинь... Последний шар начнём.

Сквозь глухие удары Санькин голос едва различим.

Я вскакиваю. Я, не оглядываясь, иду в угол, забитый картоном. Я знаю: Санька рядом. Санька ждёт, когда я свалюсь. Тогда он скажет:

– Ну, салага, теперь будешь взвешивать противни?

Саньке это очень хочется сказать. Саньке хочется сказать мне это третью смену, и третью смену я держусь на одних нервах. Спина и руки налились свинцом. Наконец я умер. Санька, пряча усмешку в бороду, наклоняется надо мной, а Витька Тихонов, радостно озираясь, сообщает всем:

– Отдал концы, салажонок. Сам виноват. Надо взвешивать противни. Оборзел. Ящик на полста тянет.

– Губкин! – трудно доносится до меня лязганье опускающегося стропа.

Я поворачиваюсь и вижу Саньку. Санька уже бежит к стропу с ящиком. Я бросаюсь за ним. Я бегу след в след. Сейчас Санька качнётся и отскочит, давая место мне, а ящик точно

ляжет на строп. «Сколько их... этих стропов... Последний шар... Чёрт его подери», – мельком думаю я. И опять хватаю ящик. И опять впереди Санькина просоленная спина.

Время. Вы, конечно, ощущали его стремительный бег в рокоте турбин реактивного лайнера. Вы подслушивали его в шорохе листьев и шуме дождя. А приходилось ли вам слушать его в трюме на перегрузке? Когда оно хрипит и застывает в лёгких. Когда каждая секунда сорокакилограммовым ящиком падает на строп и впереди его ещё целый шар.

– Губкин, погнали!

Мы с Санькой отскакиваем, и последний строп, как снаряд, летит на палубу. Перекур.

Мы садимся в круг. Санька достаёт сигареты и первому даёт мне. Я зажигаю спичку, и мы, прикурив, по одному поднимаемся на палубу.

Всё тело ноет, и я вижу, как парни с трудом стягивают с себя робы. В умывалке я говорю Тихонову:

– Витька, сыграем в шахматы?

Витька смотрит на меня стеклянными глазами.

– В шахматы! – повторяю я. В глазах у Тихонова сверкнул злой огонек и тут же погас.

– Иди-ка ты, – буркнул Витька, и Санька Головкин захохотал.

– Он шас копыта откинёт... Шахматы... – Санька подмигивает мне, и я понимаю Саньку без слов.

– Контрофорець конец! Конец контрофорець! – доносится с бака.

«Отшвартовываемся. Конец перегрузу». Я взбиваю подушку и... лезу на кормовой мостик. На меня сыплются кухтыли¹, и Санька Головкин кричит: «Лезь, студент, тару перекидывать... Сейчас мостик грохнетя... быстрей...» Я тороплюсь, разбивая колени и пальцы в кровь. Санька подаёт мне руку, и тут – волна, огромная, как бы высвеченная изнутри. Я теряю равновесие. «А-а-а», – кричу я.

– Валер, Валер, повернись.

Я открываю глаза, Мишка Краснопёров трясёт моё плечо.

– Стонешь, спасу нет.

¹ Кухтыли – поплавки.

– Понимаешь, приснилось, с кормового мостика упал... летел, и ты разбудил.

– Понятно, это хорошо, это ты растёшь.

Мишка зашторивает койку. Голубые занавески плавно парашютируют в такт качки, и, засыпая, я слышу шум кипящей волны, трущейся о переборки пустых трюмов.

Санька-одессит

Санька-одессит пришёл к нам на последнем «пассажире», и мы живём в одной каюте.

– Смотри карточки, – сказал Санька и положил передо мною фотографии.

– Что это? – удивился я.

– Как видишь, камчатский «Браслав».

– Тот самый траулер?

– Тот самый.

Судно лежало на правом борту, пустынное, как макет. Крыло мостика наполовину ушло в океан, а на левом ботдеке виднелись шлюпки.

– Что они, боты не успели спустить?

– Как видишь.

Санька на секунду оторвался от фала, из которого он вытаскивал цветные нитки, и я почувствовал, что он гордится своими карточками. «Да, такое не каждый день бывает, – подумал я. – Такая махина – на дно».

– Представь, через восемь часов после выхода из Питера... Рулевому была команда «право на борт», а он «лево...» заделал. Шарахнулись в лесовоз «Сула» по-чёрному.

Санька как ни в чем не бывало тянул из фала нитку, и только голос выдавал радостное возбуждение. «Да, такое не каждый день бывает, всякому рассказать можно, уши развесят», – невольно опять подумал я.

– Три жертвы всего... Ерунда.

Санька стал насвистывать Высоцкого, и я возмутился:

– Ты что, в осиновой роще?

– А чего?

Я бросил фотографии и пошел в рулевую. Рулевым я работал всего второй день, и Санькины карточки задели за живое. «Рулевому была команда “право на борт”, а он “лево...” заделал».

– Привет! – Костя, курсант мореходного училища, мне улыбнулся, и я стал у гирокомпаса.

– Держи на корабль по носу.

И я держал на корабль по носу, пока белая точка на горизонте не превратилась в танкер «Максим Горький».

– ...«Максим Горький»... «Максим Горький». Полста лет... – Капитан наклонился над рацией, и я понял, что мы будем швартоваться.

– Курс? – не глядя на меня, спросил капитан.

– Сто сорок, – ответил я.

Повернувшись к старпому, капитан бросил:

– Сто сорок два... Они в дрейфе.

– Сто сорок два, – повторил я, и тут волна ударила в левый борт так, что стрелка гирокомпаса крутнулась на десять градусов.

Заметив волнение, с каким я рванул штурвал, капитан шагнул к гирокомпасу.

– Я же сказал – сто сорок два.

– Да я положил, а...

Капитан прервал:

– Вы хоть на борт кладите, а держите курс.

Он вышел на крыло мостика, и я услышал, как старпом объявил по спикеру:

– Рулевому Невенченко подняться в рулевую.

«Заменить хотят, – догадался я. – Ну и пусть... Я второй день на руле».

– Сто сорок три! – потребовал капитан.

– Сто сорок три, – повторил я и с горечью отметил, что гирокомпас показывает сто тридцать девять.

Каждые пятнадцать секунд капитан менял курс. Стрелка металась, как намыленная, то вправо, то влево. «Приварить бы её», – мелькнула шальная мысль. На лбу выступил пот, но мне некогда было смахнуть его.

Невенченко встал за руль, когда до танкера оставались метры.

– К боцману! – приказал старпом, и я побежал на бак. На ходу надевая робу, я почему-то вслух произнёс:

– Рулевому была команда «право на борт», а он «лево...» заделал.

«...Свистит, как в осиновой роще». Вспомнив рассказ одессита, я выругался. Увидев меня, боцман крикнул:

– Губкин, иди сюда.

На танкере уже взяли наши швартовы, и мы начали подтягиваться. Капитан стоял на крыле мостика, и всё было

нормально. Я уже хотел было сказать боцману: «Перекурим, Паша», как танкер вдруг поднялся на волне и двинулся на нас. Волн было две. Первая и вторая. Откуда они взялись – не знаю, потому что зыби-то настоящей не было, так, около трёх баллов – не больше.

Танкер поднялся и двинулся на нас. Левый фальшборт хрустнул, как скорлупка куриного яйца. Судно вздрогнуло, и мы, матросы, выделенные на швартовку, разлетелись по баку кто куда. Я посмотрел на капитана. Он всё так же стоял на крыле и был абсолютно спокоен. Танкер отодвинулся. Капитан наклонился и посмотрел за борт. Потом он что-то крикнул боцману, и я увидел, что лицо у капитана стало красным.

– Что он сказал? – спросил я Костю-курсанта, но он, махнув рукой, бросился к шкиперской. Я оглянулся и обомлел. Танкер опять шёл на нас. Перепрыгивая через левый швартовый, я услышал, как он заскрипел и пополз с кнехта. Меня подкинуло, и, уже падая, я схватился за лебёдку. Танкер медленно валился на крыло мостика. Железная подпорка щёлкнула, как соломинка, и с обшивки танкера посыпались заклёпки, что орехи. Шесть иллюминаторов брызнули стеклом, и капитан, пятясь, поднял руку, прикрывая лицо. Всё происходило как в замедленной киносъёмке, и было совсем не страшно до тех пор, пока не пошли швартовы.

– Полундра! – крикнул боцман и, свистнув, первым рванул с бака.

Сквозь скрежет железа донёсся хрип рупоров:

– Отдать правый продольный!

Корпус судна задрожал, и я понял, что мы врубили ход.

– Валер, бери... – боцман уже колдовал возле кнехта.

Швартовый конец гудел, как струна, и я сказал:

– Осторожней, Паша.

– Ничего, сейчас слабину даст, не зевай.

Подбежали Костя и три обработчика, за ними два штурмана: второй и третий.

– Левый сам отдался, – Костя присел на корточки.

– Да знаю... отойди, – Паша нервничал, и мы понимали его.

– Что, вообще не будем? – спросил я у второго штурмана, когда «Максим Горький» остался за кормой.

– Как же без топлива? Будем... на бакштов, – Иваныч повернулся к боцману, и Паша сказал:

– Сразу надо было, нет же лагом стали... они тоже...

– Кто знал, «Тихвин» работал только что, ничего.

Мы выбрали швартовы и подготовили выброски. Когда пришвартовались к корме танкера и горючее побежало по шлангам, я пошёл в каюту, потому что время моей вахты кончилось. В каюте никого не было. На полу валялись книги и фотографии. Вентилятор висел на проводе, уткнувшись лопастями в ящик для сигарет. «Наверное, сгорел», – подумал я и поставил его тут же на ящик. Неожиданно лопасть повернулась и стала набирать ход. На полу зашевелились фотографии, и я вспомнил: «Рулевому была команда “право на борт”, а он “лево...” заделал».

Я поднял фотографии. Судно «Браслав» всё так же лежало на правом борту, пустынное, как макет.

Я открыл иллюминатор. Ветер усилился. Волны пенились и шипели. «Конечно, он не хотел направо, а волна ударила, и растерялся, как я. Ведь тоже не хотел, а влево заделал».

Вошёл Санька-одессит.

– Слышал, через двое суток «пассажир» подойдёт?

– А что он тебе?

– Спишусь на него, вот что, – собрав фотографии в стопочку, Санька задраил иллюминатор.

– Спишешься? – я удивился. – До конца рейса месяц, и ты спишешься?

– До конца рейса месяц, а я спишусь... Раньше вон матросов не то что по росту, даже по цвету глаз подбирали, а сейчас...

Санька махнул рукой: мол, что говорить, всё и так ясно, а я впервые обратил внимание на то, что он выше меня на целую голову и глаза у него голубые-голубые, как море. Как море в хорошую погоду, когда любишься морем с берега.

Сон будет хорошим

Восьмого июля бывший мельник Эдька Баракин на большом морозильном рыболовном траулере «Аскольд» ушёл в Находку, и я стал мельником вместо него. Мы промышляли хека в Ванкуверо-Орегонском районе¹. Это была настоящая рыбалка. Фабрика не успевала обрабатывать сырец, и помощник капитана по производству Александрыч приказывал:

– Выливайте рыбу в бункер с отходами.

И рыбу выливали. Два барабана каждые шесть часов давали три тонны варёного тука. Я спустился в эрмэу, чтобы пропустить тук через свою адскую машину, именуемую кормодробильной установкой и ревущую раненым львом. Тук, как раскалённый песок, жёг сквозь подошвы сапог. Испарения першили в горле и разъедали глаза. Пот заливал уши.

Я работал в брюках, пока тукомол Гринька Новиков не принёс мне шорты.

– На, Эдька тебе оставил.

Гринька сел на весы и обхватил колени руками.

– Сколько смолол?

– Второй бункер.

– Осталось полтора часа, – он показал на часы и сочувственно улыбнулся. – Не успеешь.

– Не знаю, – сказал я и вытер лицо брюками, потому что полотенце уже взмокло.

Гринька взял иголку.

– Буду мешки зашивать, а ты набивай. Надо хотя бы это успеть.

– Да, надо, – подтвердил я и почувствовал головокружение.

– Гринь, что-то мотыльки в глазах и голова, когда вдыхаю, как бы в висках раздувается.

– Ты это, – Гринька показал на трубу вентилятора, – голову прямо туда засунь... Кислорода мало.

Я просунул голову в трубу.

¹ Ванкуверо-Орегонский район – рыболовецкий район около берегов Северной Америки.

– Здесь ещё кайф¹... Вот на Гавайях ад крошечный... Ходишь как варёный, Эдка в плавках, а потел как из ведра... Здесь кайф.

Гринька взял номерную нитку и, заправив иголку, подбил мешок.

– Ты это, не падай духом. Через недельку мешки будешь кидать только так, – Гринька рывком поднял мешок и бросил в трюм. – Самое тяжёлое – смолоть. Я вот десятый месяц, и то, когда выгружаю барабан, зажмуриваюсь, а пар всё равно, как ударит в нос, аж до пяток продирает. Так что твой первый день я во как понимаю, – Гринька показал на горло и стал рассказывать, какая жара была в тукомолке на Гавайях. – Здесь кайф.

– Гринь, – я показал ему руки.

– Не бери в голову. Вот здесь ещё нитками натрёшь, а потом всё затянется и кожа станет как подошва.

К концу смены с помощью Гриньки я затарировал и уложил в трюме последние мешки.

Когда я вышел из душевой, Александрыч поинтересовался:

– Сколько сделал?

– Пятьдесят мест...

– Отлично, а дальше темп наращивай... Сгущённое молоко получил?

– Нет... Мне Баракин оставил пятнадцать банок.

– Ну давай, так держать.

Александрыч спустился на фабрику, а я в свою каюту.

Ложась отдыхать, я думал, что буду спать крепко, но ошибся. Во сне я молот муку и зашивал мешки. Нитки рвались, и я просыпался. Иногда я вскакивал от мысли: «Проспал... Александрыч скажет: “А я думал, он сдюжит”». Я торопливо смотрел на часы и опять закрывал глаза.

«Надо мечтать о хорошем, тогда и сон будет хорошим. Зря согласился мельником, работал бы на фабрике... на фасовке, например. Ведь на фасовке ничего... Не то. Лучше мечтать о Баракине... Август. Он в тенниске на Октябрьской, а народу кругом, и всё больше девушки, много-много, и все красивые, а одна говорит:

¹ Кайф – сладостное безделье.

– Вы что, впервые в Барнауле?

– Да, впервые, – отвечает Баракин.

И девушка предлагает ему сходить во Дворец спорта.

– Какой путёвый Дворец, – говорит Эдька.

«Да, это здорово, – радуюсь я. – Надо будет об этом вспомнить там... когда начнёт першить в горле. Это выход. Это выход». Я поворачиваюсь на бок и засыпаю как убитый.

У тебя есть тельняшка?

Большой морозильный рыболовный траулер «Аскольд» шёл домой, и старпом объявил по трансляции:

– Желающие следовать в порт Находка на «Аскольде» должны срочно подать заявления на имя капитана-директора.

– Серёга, а как с заменой?

– Ты даёшь. Слышал, пол-«Аскольда» остаются, переходят к нам?.. У тебя есть тельняшка?

– Есть, – кивнул я, но Серёга всё равно бросил мне тельняшку.

– Носи, будь настоящим...

Серёга был возбуждён. Десятый месяц в морях сразу после армии. И вот – домой. Пусть не на пассажирском, без комфорта, но всё равно домой.

– Серёга, на берегу что первое сделаешь?

– На Падь Ободную десять гусей – и погнали.

– Каких гусей? – не понял я.

– Живых, живых, Валера, – Серёга захлопнул чемодан и потянулся.

– В кабак, соберу толпу – и обед, обед закачу на все сто!

– Ерунда. Вон Лёвка-добытчик закупит несколько лотков с мороженым и будет бесплатно детям продавать.

– У него сын в Рязани, а я... – Серёга сморщил лоб и передёрнул плечами. – А я губернатор острова Борнео, – Серёга опять передёрнул плечами и закричал: – Люди, вы слышите? Я губернатор острова Борнео!

– Ну ты, наверно, пьяный дурной?

– Нет, я пьяный трезвый, – Серёга обиделся, и я смягчился.

– С гусями – это хорошо, а то Володька Усы грозитя в кабаке барабан катать.

– Чокнутый, – поставил диагноз Серёга и повеселел. – С гусями я пошутил.

Он вытащил из-под подушки книгу и показал фотокарточку. На фотокарточке улыбалась девушка лет восемнадцати.

– Женишься?

– Посмотрю... Люди, вы меня слышите? Я губернатор...

Открылась дверь, и в каюту вошёл Эдька Баракин. Эдька приехал в Приморье из Барнаула и в морях работает машинистом кормодробильной установки, яснее – мельником. Тукомолы варят отходы рыбы, а он мелет, насыпает муку в мешки и укладывает в трюме.

– Ну что? – спросил Эдьку Серёга.

– Ничего хорошего. Всех на «Аскольде» обошёл, никто не хочет. Как скажу – мельником, так каждый сразу: «Мельником я забил».

Мы закурили. Серёгиного возбуждения как не бывало.

– Разве это эрмэу!¹ Ничего не оборудовано. Кричали: в морях, в морях сделаем. Сделали, – Эдька выругался. – Десятый месяц живёшь как в аду. Нашли дурака, – он затыкнулся и, глянув на чемодан, сказал: – А ты всё?

– Всё.

Серёга кивнул мне и засмеялся:

– Допытывается, что первое сделаю на берегу.

Эдька оживился.

– Я бы просто вышел на улицу и смотрел, смотрел на прохожих, и ничего мне не надо... У нас площадь Октябрьская, народу там! А на углу гастроном под шпилем. Дворец спорта путёвый.

Он замолчал, и мы все помолчали.

– Держи краба, – Эдька подал Серёге руку, и Серёга, виногато улыбаясь, сказал:

– Да я забегу. Бот утром спустят.

– Не надо. Завалюсь спать. Мне с семи.

Эдька ушёл, и мы с Серёгой тоже решили завалиться. Мне не спалось. Я долго ворочался, потом встал и, чтобы не разбудить Серёгу, тихо вышел из каюты.

«Зайду к Александрычу», – решил я.

– Можно?

– Ко мне всегда можно, – помощник капитана по производству сидел за столом и что-то печатал на машинке.

– Александрыч, я вот чего хочу. Мельником поставь меня.

– Тебя? – Александрыч взял из пепельницы сигарету и, раскуривая, оглядел меня с ног до головы.

¹ РМУ – рыбная мучная установка.

– Ты сколько в морях?

– Впервые.

– Во, впервые! – он многозначительно кашлянул, и я полез в амбицию.

– Ну и что?

– Да это-то ничего, – он сбил с сигареты пепел и спросил: – Баракин улестил?.. Так вот что я тебе скажу: шесть через шесть, сто двадцать мешков минимум, смолоть, затарировать и уложить в трюме. Выдержишь?

Не дожидаясь ответа, он начал печатать, как бы давая понять, что разговор закончен. Это меня разозлило.

– Никто не улещал. Мне деньги нужны, – неожиданно для себя сказал я.

– Деньги, говоришь? – Александрыч, перестав печатать, встал и бросил сигарету в урну. – Деньги, говоришь? – он достал из рундука тетрадь. – Фамилия и всё полностью.

– Губкин Валерий Антонович.

– Добро, Антоныч, иди к Баракину, пусть всё расскажет, покажет, а завтра с семи давай. Вес мешка – 41 килограмм. Можно чуть больше, но упаси тебя меньше... Взгрею, – хлопнув по плечу, он добавил: – Пожалуй, сдюжишь. Кличь Баракина ко мне.

Александрыч опять сел за машинку, а я пошёл к Эдьке.

– Команде вставать! – подражая старпому, рывкнул я.

– Чего орёшь? – Эдька зажмурился. – Выруби свет, ну.

– Не ну, а команде вставать... Зав кличет.

– Что он, совсем?..

– Он частично... Иди за документами, тебя списывают.

– Брось подначивать. – Эдька положил руки под голову и закрыл глаза, потом подхватился и через десять секунд уже был одет. Выскакивая из каюты, он оглянулся:

– А кто мельником?

– Иди, иди.

– Ты, что ли?

– Я, что ли.

Эдька заволновался. Вернулся, сел на рундук. Встал, походил.

– Побудь, мигом.

Я слышал, как он застучал по трапу, и улыбнулся.

«Я бы просто вышел на улицу и смотрел, смотрел на прохожих, и ничего мне не надо...»

Интересно, а что первое сделаю я? Нет, об этом рано. Да, об этом рано.

Кто-то кубарем скатился по трапу, и мне опять стало хорошо. «Это Эдька, конечно, Эдька, кто же ещё».

Мир настоящих мужчин

Имя Виктора Слипенчука – поэта, прозаика, публициста – хорошо известно тем, кто интересуется современным литературным процессом. Кажется, нет такого жанра, в котором он не проявил себя за долгую творческую жизнь.

Представленные в этом сборнике рассказы – «У тебя есть тельняшка?», «Сон будет хороший», «Санька-одессит» и «Перегруз» – объединены общей темой быта и работы на промысловом судне, к которой Виктор Слипенчук не однажды обращался в своих произведениях.

Что такое вышедший на промысел рыболовецкий траулер? Это особый мир, незнакомый большинству современных читателей: постоянное взаимодействие с изменчивой стихией – морем, тяжёлый физический труд, спартанский быт и особое чувство единения и товарищества, возникающее между членами команды... Это мир настоящих мужчин. И Виктор Слипенчук воспроизводит его атмосферу в мельчайших деталях, создавая эффект полного погружения: мы почти слышим рокот волн, лязг железных цепей, шум «мельницы» и грохот набитых рыбой ящиков; почти чувствуем солёный ветер и брызги на коже, видим обветренные лица работающих на судне моряков. Автор не скупится ни на технические, ни на физиологические подробности: «Я спустился в эрмэу, чтобы пропустить тук через свою адскую машину, именуемую кормодробильной установкой и ревущую раненым львом. Тук, как раскалённый песок, жёг сквозь подошвы сапог. Испарения першили в горле и разъедали глаза. Пот заливал уши»... Так рождается по-настоящему честная проза.

Секрет здесь не только в писательском мастерстве, но и в том, что всё это автор описывает с натуры: в начале 1970-х Виктор Слипенчук ходил на рыболовецком траулере, сначала – матросом, затем – первым помощником капитана. Он принадлежит к той когорте «некабинетных» авторов, которые сперва ныряют с головой в жизнь, а затем, набравшись опыта – и человеческого, и творческого, – переплавляют пережитое в тексты, лишённые позы и фальши.

Отдельно хотелось бы остановиться на созданных Слипенчуком портретах моряков. Ведь, несмотря на внимание, которое писатель уделяет производственному процессу, рассказы его в первую очередь о людях. Образы персонажей удаются автору просто блестяще. Не вдаваясь в подробности, Слипенчук словно делает наброски грифельным карандашом – и в этих обманчиво простых эскизах схвачено всё самое важное, вся суть человека. Например, в рассказе «Перегруз»: «Санька Головкин. Широкоплечий, бородатый, в литых резиновых сапогах, в рыбацком свитере, заправленном в чёрные сатиновые брюки, подпоясанный широким кожаным ремнём, он играет ящиками, как ребёнок кубиками». Два предложения, и в воображении читателя оживает этот сильный, бывалый моряк, уверенный в себе, не лишённый молодецкой удали... Он бранится, относится к новичкам со снисходительной иронией и с удовольствием насмешничает, но умеет также по достоинству оценить силу и мужество других. Всё это мы узнаём уже не из описаний автора, а из поступков персонажа. И в этом-то как раз и проявляется мастерство. Достоверно воссоздана автором и речь моряков: обрывистые диалоги скупых на слова мужчин, предпочитающих слову – делу; их реплики сдобрены профессиональным сленгом и прибаутками, помогающими поддерживать бодрость духа. Меняется речь персонажей и в зависимости от событий: вот кипит работа, и моряки перебрасываются короткими командами: «Эй, на барже! Майна!», «Набил!», «Губкин, погнали!»; а вот в редкие минуты отдыха мечтают о том, что в первую очередь сделают, когда окажутся на суше: «Я бы просто вышел на улицу и смотрел, смотрел на прохожих, и ничего мне не надо... У нас площадь Октябрьская, народу там! А на углу гастроном под шпилем. Дворец спорта путёвый...»

Герой-повествователь – тоже один из этих сильных немногословных мужчин, и потому язык рассказов в целом отличается сдержанностью, скупостью на художественные средства. Лишь изредка, словно солнечный блик на воде, мелькнёт эпитет, сравнение или метафора: «засыпая, я слышу шум кипящей волны, трущейся о переборки пустых трюмов», «последний строп, как снаряд, летит на палубу». И этот баланс тоже великолепно работает на авторскую идею.

Хочется сказать и об отношениях между героями. Там, на борту судна, они становятся прозрачнее, чем морская вода при полном штиле. Команда корабля – не то же самое, что офисная «команда» менеджеров. Это своего рода братство, модель идеального общества, где люди спаяны друг с другом: их объединяет одновременно и общая цель, сложная работа, выполнять которую можно только сообща, и противостояние стихии, перед которой тоже не устоять в одиночку. Здесь не бывает притворной доброжелательности и подковёрных интриг, а товарищество и взаимовыручка – не просто слова. Есть что-то неизъяснимо трогательное в этой безмолвной доброте: вот герой-повествователь, молодой матрос, вызывается выполнять адскую работу «мельника», чтобы отпустить измотанного товарища на сушу («У тебя есть тельняшка?»), а вот другой матрос бережно будит своего соседа по каюте, которому приснился кошмар («Перегруз»)..

И хотя автор не вторгается в текст лирическими отступлениями, не выражает напрямую свои чувства, ощущается в этих рассказах лёгкий флёр ностальгии по тому времени, когда движущей силой были не деньги и популярность, а нечто подлинное, глубинное. Что ж, оно всё ещё существует. Как минимум в живой прозе Виктора Слипечука.

Анастасия Ермакова